

Воображаемый мир Майского жука

«Один китаец из династии Тан, – по мнению некоторых, большой философ, ему однажды приснилось, что он – бабочка, и с этой минуты он уже никогда не был полностью уверен, что он не бабочка, которой снится, что она китайский философ!..» – Стоппард Том.

Примерно в таком смысле можно объяснить настроение происходящего в спектакле «Красный табак» «Компании Майского жука».

Компания Майского жука
(Франция). «Красный табак»
(хореограф Джеймс Тьере).

Фото Игоря ЗАХАРКИНА

Всё действие запутано в реальности и сне, в фантазиях и образах, пиках драмы и неожиданном жесте, которой рушит воздвигнутые стены серьезности. Джеймс Тьере – сын артистов цирка, внук «огня» рампы, успешный продолжатель династии, сумевший на базе семейного творчества создать свой театр и свой стиль. Его спектакли – это новая формация цирка, который в своем перерожденном виде будет иметь большой успех у нового поколения, сытого гаджетами и зевающего при виде клоунов. Жанровую разделенность он смешал и дополнил драматизмом – из театра, хореографией – из балета и декорациями бродвейского размаха. Многократно награжденный премией Мольера во Франции, обласканный критикой, Джеймс терпеливо кивает на восклицания о сходстве с дедом, но всё же он другой. Он великолепно владеет телом, материализует сновидения, интуитивно подбирает актеров, с нестандартной точки зрения подбирает музыкальное и звуковое сопровождение спектаклей.

В «табаке» он старый изобретатель-волшебник, с затуманенным табачком сознанием, однажды создавший стену между собой и миром, заточившим маленьких пищущих созданий в нем. Его советник следит за тем, чтобы он вовремя выходил из транса и возвращался к делам воображаемого завода. Его внучка – гуттаперчевая хохотушка, бегает на мостике и бесконечно «вертится на ушах», донимает играми, а старику хочется раствориться в старой французской музыке, сидя в продавленном кресле-троне. Но вдруг оно зашипело, затрещало, повалили клубы алого дыма, и волшебник покатился по сцене к большому столу, заваленному предметами, которые когда-то были отдельно стоящими: лампой, книгой, печатной машинкой, но седовласый бледнолицый старик сбросил их в котел, расплавил и слил в единый

корабль из вещей, не имеющих функций. Тонкая работа художников-декораторов вызывает восторг.

Приглядываясь к костюмам, можно, настроив бинокль, разглядеть все мистические символы, детали, характеризующие персонажей без имен и четкой роли. Джеймс просто собрал предметы, которые ему нравятся, мимику, театр, сны, акробатику и хореографию и сделал необычный, полный ощущений авангардный спектакль. Зрители, а надо сказать, публика Чеховского фестиваля славится своей разношерстностью и помпезностью: мудрые руководители центральных каналов и театров, деятели культуры, балетоманы и театралы, художники и артисты с наивными улыбками детей следовали за клоуном в мир сказки, смеялись, как легко он обвел всех вокруг пальца, и невольно роняли слезу в конце спектакля. Слезу счастья, разумеется, герои внезапно объединились против стены с тысячей кривых зеркал и как будто победили систему, рабами которой они долго были. Штанкеты взмыли вверх, оставив под собой переливающиеся осколки сна и пустоту в маленьком цирковом мирке. Внезапно появилось ощущение, что где-то там, в другом мире, за бугром, творят небывалые вещи, и с обидой отмечаешь: ну почему не у нас?

Если современный балет имеет меньшее развитие, то возникает вопрос, может, нынешним создателям обратиться, как это сделал Джеймс, к синтезу искусств, благо театральный и цирковой пласт богат шедеврами. Но пока новые имена не гремят, критики сравнивают спектакли «Майского жука» и мастодонтов соседей по фестивалю, зрителю можно забыть в театре, «нащупать родничок на макушке» и посадить на колени малыша, живущего глубоко внутри, чтобы вновь удивляться старому фокусу волшебника.

Елизавета ТРАНДА